

МОСКВА
ЗИМИНЫ И ГУЧКОВЫ. 200 ЛЕТ

Вступление

ЗИМИНЫ - ПИОНЕРЫ ПОДМОСКОВНОЙ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Зимины, как и знаменитые текстильщики Морозовы, были уроженцами деревни Зуево Богородского уезда и крепостными крестьянами. Согласно преданию, первое предприятие – небольшое шелкоткацкое заведение с ручными станками – было еще в конце XVIII века устроено Семеном Григорьевичем Зиминым.

Подкопив денег, вырученных от продажи шелковых тканей, Зимин с детьми выкупился на волю от помещика Рюмина. С 1840-х годов сыновья Семена Григорьевича начинают приобретать земельные владения: сначала выкупают у Рюмина участки земли, на которых стоят их собственные дворы с построенными фабричными помещениями, а затем и смежные с ними незастроенные участки, имевшие выход к берегу Клязьмы. Так они получили землю и право пользования водой.

Таким образом, в Зуеве к 1860 году было три фабрики во владении потомков Семена Григорьевича: бумаготкацкая, ситценабивная и пунцово-красильная.

Была в Зуеве и четвертая «зиминская» фабрика, основанная в 1853 г. и принадлежавшая Ефиму Степановичу Зимину – племяннику Никиты, Ивана и Куприяна.

К концу XIX века Зимины входили в элиту текстильных фабрикантов Московской губернии с объемом производства почти 15 млн рублей (13 млн. рублей у Товарищества Зуевской мануфактуры И.Н. Зимина и более 1,5 млн. рублей у Торгового дома «И. М. П. Я. и Ф. Зимины»), на их фабриках работало более 6 тысяч рабочих.

Как же определялось место жительства Зиминых в пространстве Москвы и Московского региона?

На этот вопрос можно ответить так: представитель первого поколения династии Семен Григорьевич ездил в Москву 3-4 раза в год для сбыта товара, который, видимо, сдавал на реализацию оптовым торговцам в Китай-городе. Его дети (Никита, Иван и Куприян) – жили на два дома, между Москвой (где снимали квартиры) и Зуевом (где были фабрики). А уже представители третьего и четвертого поколений жили в Москве,

Вид села Зуева. 1870-е годы

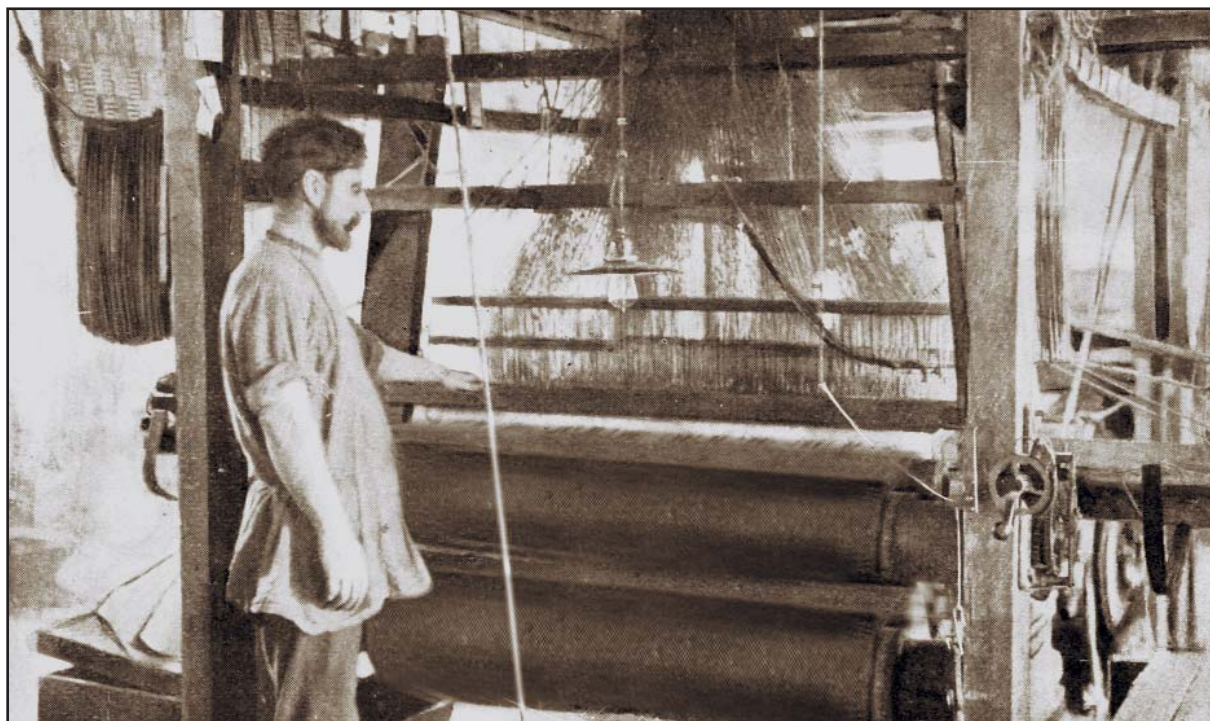

где в Китай-городе имели конторы своих фирм, осуществлявших крупные сделки по покупке сырья (хлопка-сырца и шерсти, пряжи, химикалиев) у Малютиных, Хлудовых, Кнопа, Вогау, Лепешкиных, продаже готовых тканей и пряжи по всей Российской империи, кредитование в банках Найденовых и Рябушинских.

Из семьи Зиминых вышел ряд видных русских деятелей, в частности, основатель частной оперы Сергей Иванович Зимин и меценатка Зинаида Григорьевна Морозова (урожденная Зимина).

О них и других представителях этой известной купеческой династии повествует эта книга. Хитросплетения судеб героев будут прослежены на фоне их «перемещений» на карте Москвы – огромного и удивительного города, менявшего своих жителей и менявшегося вместе с ними.

Рабочий у ручного ткацкого станка

КАК ЗУЕВСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ ВЫКУПАЛИ ЗЕМЛЮ У ПОМЕЩИКА РЮМИНА И «ВЫБИВАЛИСЬ» В КАПИТАЛИСТЫ

Деревня «Зуева» в 1780-х годах принадлежала семье Всеволожских. В 1825 году Зуево (уже в статусе села, то есть была построена церковь) числилось за статским советником и кавалером Гаврилою Васильевичем Рюминым, после смерти которого в 1828 году перешло к его сыну, надворному советнику и кавалеру Николаю Гавриловичу Рюмину. В это время Зуево было весьма большим населенным пунктом – в нем числилось 206 душ «мужеска полу». Крепостные Рюмина «сидели на оброке», то есть уплачивали своему помещику денежную подать.

Чтоб заработать деньги на оброк наиболее предприимчивые занимались бизнесом, в частности, ткачеством и окраской тканей, раздавая «мастеркам» по домам работу, а затем, собрав готовые изделия, сбывали их в Москве и на ярмарках. Про таких романист, автор романа «Китай-город» Петр Боборыкин писал: «А некоторые личности из

Гаврила Васильевич Рюмин (1751-1827)

– владелец деревни Зуево, по происхождению рязанский мещанин, получил дворянство за усердную службу в качестве инспектора питейных сборов, видный благотворитель

Екатерина Ивановна Рюмина

– супруга помещика Г.В.Рюмина

Николай Гаврилович Рюмин (1793-1870)

– действительный статский советник, унаследовал Зуево с 22 окрестными селами и деревнями после смерти отца, Г.В. Рюмина

*Сосед Зиминых по Зуеву - текстильный магнат
Викула Морозов с дочерью Людмилой, супругой
Григория Ивановича Зимина*

крестьянства внушали даже большое почтение. Это были те богатые мужики, которые ходили по оброку и занимались торговлей». Этих мужиков, выбившихся в люди и заработавших капиталы порой до 100 тысяч рублей на ассигнации, даже их господа «принимали почти как «особу» и разрешали их семьям переселиться в город.»

Постепенно наиболее удачливые разбогатевшие сельчане выкупались на волю из крепостного состояния, а затем переводились из крестьянского сословия в купеческое. Например, Савва Морозов с сыновьями, согласно семейному преданию, заплатил Рюмину огромную сумму в 20 тысяч рублей (по другим данным, 17 тысяч). Вслед за Морозовыми, видимо, выкупились, примерно в 1830-х годах и Зимины (Зимины и Морозовы-

«Викуловичи» жили в Зуеве в соседних дворах и даже не раз породнились в течение XIX века). В десятилетия накануне Крестьянской реформы 1861 года (когда было отменено крепостное право) происходил процесс «оскудения дворянства». Земельная аристократия была вынуждена понемногу распродавать свои земельные владения с целью получения «живых» денег. Не избежал этой участи и Николай Гаврилович Рюмин.

ПРИОБРЕТЕНИЕ ЗЕМЛИ ЗИМИНЫМИ – ИНДИКАТОР УКРЕПЛЕНИЯ СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА

В сентябре 1845 года между Рюминым и его бывшим крепостным Иваном Семеновичем Зиминым была составлена купчая, текст которой гласил: «Лета 1845 года сентября в 10 день статский советник и кавалер Николай Гаврилович сын Рюмин продал я богородскому третьей гильдии купцу Ивану Семеновичу Зимину из крепостной земли моей, доставшейся мне по наследству после покойного родителя моего статского советника Гаврилы Васильевича Рюмина, находящееся Московской губернии Богородского уезда при деревне Зуевой усадебное место количеством одну с половиною десятину казенной меры ... с правом участия его, Зиминова, по количеству продаваемой мною ему земли [во] владении рекой Клязьмою, а взял я, продавец, с него покупателя за оную мою землю денег 300 рублей серебром».

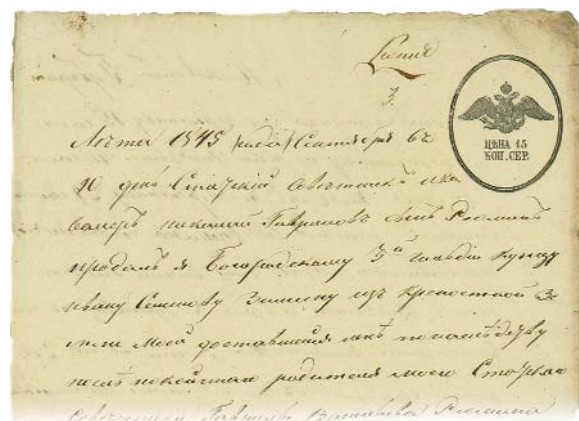
Примеру Ивана Семеновича Зиминова последовали его ближайшие зюевские родственники. В 1848 году его младший брат, третьей гильдии богородский купец Никита Семенович выкупил у Рюмина свое дворовое место (где уже стояли жилой дом и помещение фабрики) и участок береговой земли Клязьмы «с правом пользования водою из реки Клязьмы» за те же 300 рублей серебром. В 1851 году племянник И.С. Зиминова - третьей гильдии покровский купец Ефим Степанович Зимин – выкупил у Рюмина свое дворовое место

Иван Семенович Зимин (1799-1885)

за 300 рублей серебром. Сделка купли-продажи состоялась при участии И.С. Зимина, на который «за болезнию» племянника как его «дядя родной» к подписанию договора «руку приложил». В том же 1851 году свое дворовое место у Рюмина выкупил второй младший брат И.С. Зимина – покровский третьей гильдии купец Куприян Семенович Зимин, приобретший более 2 десятин земли за «стандартные» 300 рублей серебром. И вновь «за болезнию» покупателя договор был подписан Иваном Семеновичем.

Столь активное участие в сделках родственников Ивана Семеновича наводит на мысль о том, что именно Иван Семенович, на правах старшего брата – главы семьи после смерти отца – был инициатором обретения экономической и юридической

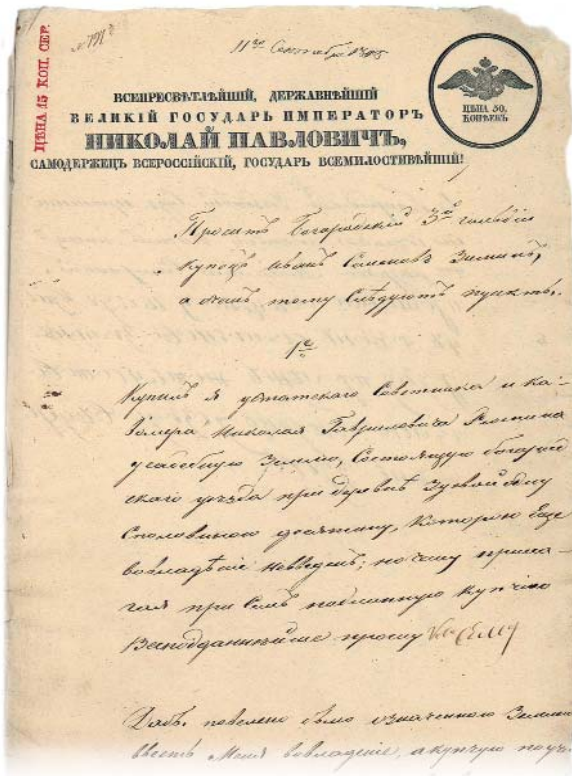

Копия купчей на землю, выданная из Богородского уездного суда Ивану Семеновичу Зимину. 1845 год. Начало документа звучит так: «Лета 1845 года, сентября в 10 день статский советник и кавалер Николай Гавирлов сын Рюмин продал я Богородскому 3-й гильдии купцу Ивану Семенову Зимину из крепостной земли моей доставшейся мне по наследству после покойного родителя моего ...находящееся Московской губернии Богородского уезда при деревне Зуевой усадебное место...»

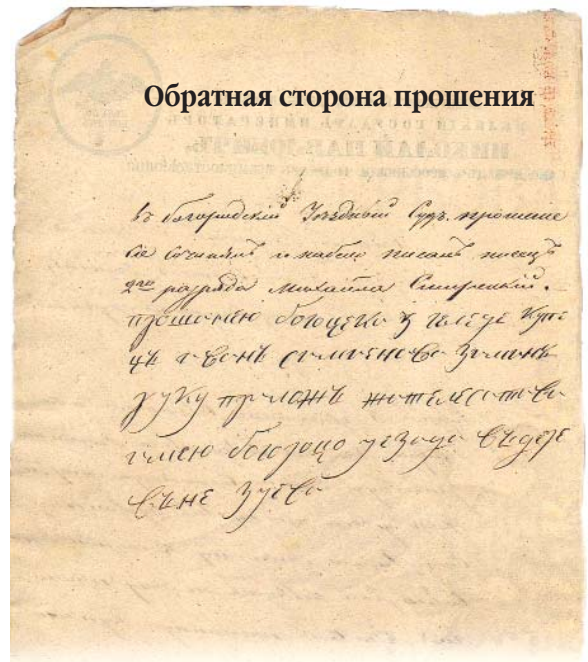
самостоятельности всеми членами большой купеческой семьи Зиминых. И он же стремился не выпускать ситуацию из-под контроля, подписывая, насколько возможно, купчие самолично.

Приобретение Зимиными земельных участков продолжилось в последующие десятилетия. К 1886 году в совместном владении Ивана Семеновича Зимина, его племянников Якова и Филиппа Киприяновичей, а также торгового дома «И. М. П. Я. и Ф. Зимины» находилось в общей сложности 1410,5 десятин земли (около 1550 гектаров). Из них 227,5 десятин располагались в Зуевской и Буньковской волостях Богородского уезда (22,5 десятин под усадебными строениями, в том числе, фабриками, 197 десятин под лесной зарослью и кус-

Прошение Ивана Семеновича Зимина о введе-
ние его во владение купленной у помещика Рю-
мина земель. 1845

Собственноручная подпись на обратной сто-
роне документа, написанного писарем, гла-
сит: «[К] прошению бого[ро]цски[й] 3 гильдии[и]
купецъ Иванъ Семеновъ Зиминъ руку при-
лож[илъ] жителство имею богороц[коз]о
уезда въ деревнѣ Зуева»

тарниками, 7 десятин под лугами, одна десятина «под дровяным лесом»), и еще 1183 десятины в смежном с Богородским уездом - Покровском уезде Владимирской губернии (42 десятины – луга, 33,5 – пастбища, 1007 – лесная заросль и кустарники, торфяные болота, 87 – лес строевой и дровяной, 13 – неудобная земля).

Неуклонное приобретение земельных угодий было индикатором очевидного укрепления семейного бизнеса.

Далее мы рассмотрим как развивался этот бизнес, ядром которого были фабрики Зиминых.

*Адрес: Московская губерния
Богородский уезд
Крестовоздвиженское близ Зуева*

*Один из фирменных бланков
торгового дома Зиминых*

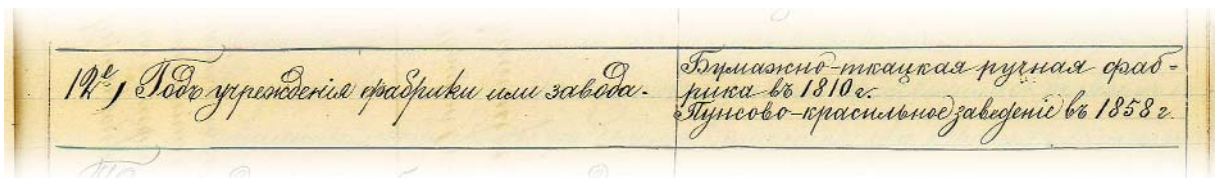
ПОДГОРНАЯ МАНУФАКТУРА В КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОМ БЛИЗ ЗУЕВА

После того, как старейшее шелкоткацкое заведение (позже перепрофилированное на бумаготкацкое) унаследовал от родоначальника династии Семена Григорьевича Зимины старший сын Никита Семенович, средний сын Иван Семенович и младший Киприан Семенович (в поздних документах его стали называть также Куприяном) завели еще две фабрики.

Отвечая в 1888 году на вопросы фабричного инспектора Богородского уезда Московской губернии, Зиминьны сообщили о годе основания предприятий, что «ткацкая ручная фабрика учреждена в 1810 году, и пунцово-красильное заведение в 1858 году».

О работе предприятий в первой половине XIX века сведений сохранилось крайне мало. Дело в том, что предприятия работали, выражаясь современным языком, «по факту». Как говорилось в одном из циркуляров Московского губернского правления, «большая часть этих заведений существует издавна и открыты без разрешения начальства». Купцы платили деньги за гильдейские свидетельства, а о своих промышленных предприятиях, заведенных на выкупленной земле, никому не отчитывались.

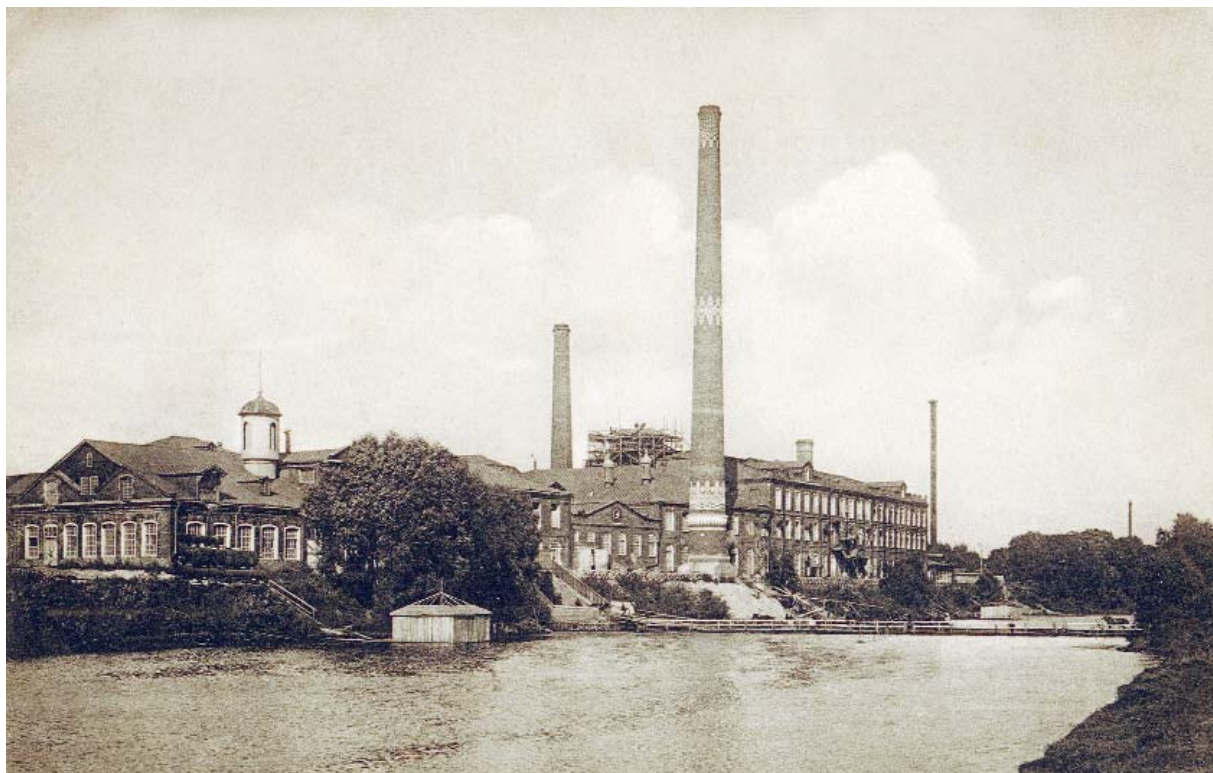
*Сведения о том, что Подгорная мануфактура основана в 1810 году
из фабричной книги Зиминых*

Учет предприятий в Московской губернии начался только в начале 1860-х годов, когда от генерал-губернатора Московской губернии был разослан циркуляр уездным исправникам, которые были обязаны «по собранию верных справок донести: когда, с чьего разрешения и на чьей земле устроено заведение, в каких строениях помещается, в каком расстоянии расположено от жилых строений, и не угрожает ли сим последним опасностью от огня, какие машины и сколько рабочих находится на заведении; ... куда стекают нечистоты, не происходит ли от работ на заведении порчи воды и воздуха в окрестностях и не встречается ли со стороны полиции каких-либо препятствий к дозволению содержать заведение...».

Тогда купцы хватились и, обнаружив, что документов регистрации ни у кого нет, стали оформлять свидетельства на свои предприятия. Чтоб соблюсти приличия и «не прогневить начальство», хитроумные купцы формулировали прошения витиеватым образом, к примеру, Иван Никитич Зимин писал в «покорнейшем прошении» на имя московского гражданского губернатора князя А.В. Оболенского: «Не находя в конторе свидетельства на разрешение производства работ на ситцевой фабрике моей, состоящей Богородского уезда при деревне Зуевой, которое предполагаю

Подгорная мануфактура Зиминых на берегу Клязьмы в Крестовоздвиженском

затерянным, почтительнейше прошу Ваше сиятельство выдать таковое мне, для написания коего и представляю один лист гербовой бумаги рублевого достоинства».

Свидетельство №2213 за подписью московского губернатора было получено Иваном Семеновичем Зиминим 6 февраля 1865 года.

В декабре 1866 года Иван Семенович Зимин получил в городской думе Павловского Посада купеческое свидетельство, торговый билет, два приказчиьих свидетельства первого класса и два паспорта – один на себя, другой на сына Макария Ивановича.

К 1869 году все предприятия Московской губернии были учтены, и после этого о положении дел в промышленности ежегодно стали подаваться ведомости в Московский губернский статистический комитет. По ведомости 1869 года в Богородском уезде числилось 319 предприятий, из которых 90% были текстильными. В деревнях Зуеве и Дубровке насчитывалось 20 предприятий, из них четыремя владелли представители династии Зиминых: у Ивана Семеновича и Ивана Никитича – по ситце-пунцовой и красильной фабрике в Зуеве, у Ефима Степановича – бумаготкацкая фабрика там же, у торгового дома купцов Павловского Посада Зиминых –

Вид торговой площади Павлово-Посада. 1880-е годы

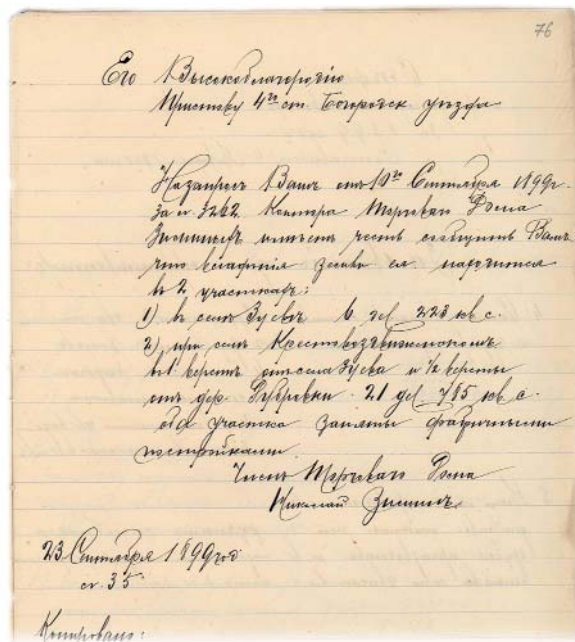
«самоткацкая миткалевая и плисовая фабрика» при Крестовоздвиженском погосте. Все Зимины в этот момент состояли купцами Павловского Посада.

Подгорная ткацкая мануфактура была устроена в одной версте от Зуева (и в полуверсте от Дубровки) в маленьком селении, называемом официально Крестовоздвиженский погост, а в народе просто Крестовоздвиженское. Фабричное производство размещалось в двух больших корпусах – трехэтажном и двухэтажном. Вторая фабрика – пунцово-красильная – находилась в Зуеве в одноэтажном корпусе на земле усадьбы Зиминых. Фабричная территория обеих фабрик была достаточно обширной – на запрос фабричного инспектора заведующий фабрикой инженер Николай Макарович Зимин сообщал в сентябре 1899 года, что в селе Зуеве торговому дому Зиминых принадлежит 6 десятин 23 квадратных сажени, а в селе Крестовоздвиженском – 21 десятина 785 квадратных саженьей, и «оба участка заняты фабричными постройками».

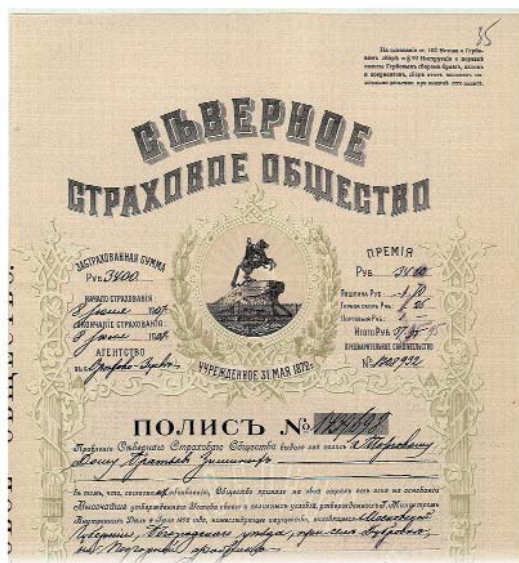
Отопление фабрики осуществлялось торфом, для чего эксплуатировались торфяные болота в окрестностях Зуева), а с конца 1890-х годов – «нефтяными остатками».

Бланк письма, которым фабричный инспектор запрашивал данные о фабрике Зиминых

Письмо Николая Макаровича Зимина на запрос фабричного инспектора о количестве земли под фабриками Торгового дома Зиминых.. 1899

Страховой полис, выданный правлением Северного страхового общества Торговому Дому Зиминых на имущество Подгорной мануфактуры. 1908

Ткацкая Подгорная мануфактура действовала круглогодично, а пунцово-красильная фабрика с 15 февраля до 1 декабря.

В 1888 году всех рабочих на обоих предприятиях было 370 человек, в том числе, мужчин 188 человек, женщин 153 человек и подростков 15-17 лет - 29 человек. Работа на фабрике шла в одну смену - начиналась в 4 часа утра и оканчивалась в 9 часов вечера «с отдыхом полтора часа на обед и полчаса на завтрак». В темное время суток работа велась при керосиновом освещении. Зарплата рабочих была сдельная, зависела от количества выработанной ткани, и составляла в месяц в среднем от 8 рублей 25 копеек до 11 рублей 50 копеек на человека. Наиболее расторопные работники могли получать значительно больше,

к примеру, ткач Антон Федоров в 1898 году получал зарплату от 26 рублей 26 копеек до 42 рублей 41 копейки в месяц, а ткачиха Наталья Прокофьева от 12 рублей 98 копеек до 21 рубля 87 копеек в месяц. На предприятии имелась одна паровая машина в 16 лошадиных сил и 200 станков для ручного ткачества.

Въезд на железнодорожную станцию Орехово. 1890-е годы

Помимо рабочих в здании фабрики, по заказам торгового дома Зиминых в Зуеве и округе работали 500 ткачей-надомников, так называемых «мастерков», производивших в конце 1880-х годов примерно 35% от объема выработанного товара.

Большинство рабочих не были «местными», а нанимались с целью заработка из близлежащей Владимирской губернии (60%), Рязанской губернии (30%), а также из Московской, Смоленской, Костромской губерний. Работники происходили из крестьянского, мещанского, солдатского сословий. Рабочие жили в помещениях, устроенных владельцами при фабрике, - так называемых «казармах». В казармах оконные рамы штукатурились ежегодно, полы перестилались раз в 3-4 года, перед Пасхой ежегодно морились тараканы (на что в бюджете отдельной строкой прописывалось 26 рублей).

При фабрике имелась больница, которой заведовал выпускник медицинского факультета Московского университета Всеволод Николаевич Кипарисов. В больнице рабочие и проживавшие вместе с ними родственники бесплатно пользовались врачебной помощью в стационаре и амбулатории. Деревянные строения периодически горели, и их приходилось восстанавливать – в 1882 году сгорела казарма Подгорной мануфактуры, в 1885 году – больница. Все столярные (доски, балясины, шкафы) и железные (печные и самоварные трубы, противни, тазы, крышки) изделия изготавливались в собственных мастерских. При фабрике

По данным «Списка частных конских заводов в России», изданного в 1904 г., совместном владении Зиминых – Якова и Филиппа Куприяновичей, Ивана и Николая Макаровичей имелся основанный в 1891 г. небольшой конный завод в селе Крестовоздвиженском Богородского уезда Московской губ. Поголовье состояло из 1 жеребца и 6 маток орловско-рысистой породы. Ежегодный приплод составлял 4 головы.

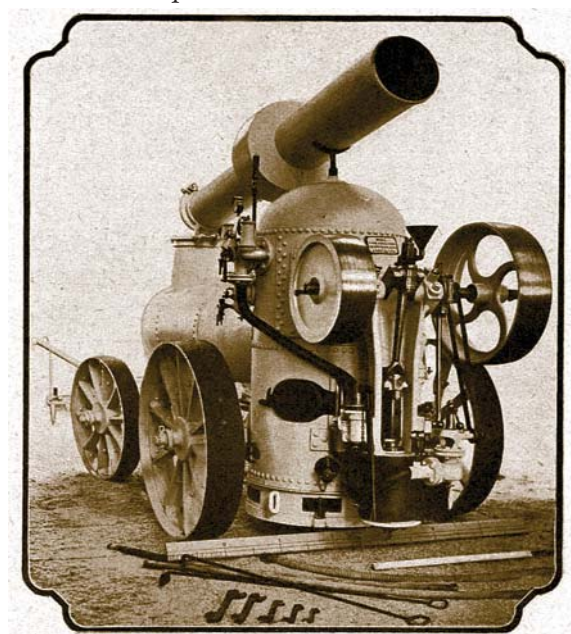
была оранжерея, чтоб иметь круглогодично свежие овощи и зелень. Для нужд производства Зимины также завели небольшой конный завод.

В 1889 г. на фабрике были поставлены два паровых локомобиля. Производство расширилось, рабочих было нанято 404 человека, и в конторе было 10 человек. Поскольку хозяева предприятий Зимины занимались общей организацией производства и сбытом товаров в Москве и на ярмарках, то был нанят управляющий – в первой половине 1890-х годов заведовал фабриками в Зуеве «доверенный из крестьян» Алексей Иванович Смирнов. С 1895 года и вплоть до революции 1917 года управляющим работал нижегородский мещанин Николай Григорьевич Хвальковский, с которым Зимины познакомились на Нижегородской ярмарке.

Сбыт товаров производился в Москве – туда (вначале на подводах, а с проведением Нижегородской железной дороги – от станции Орехово вагонами) направлялись ткани, а также взятая в окраску у других фабрикантов материя.

Уже в 1890 году число рабочих достигло почти 1 тысячи человек – 641 человек числился в Крестовоздвиженском и 316 человек – в Зуеве. В 1910 г. На Подгорной мануфак-

Локомобиль производства завода Нобеля

туре было выработано хлопчатобумажных тканей на 1,4 млн. руб., и к 1915 г. до 2 млн. руб. В 1913 г., по данным «Орехово-Зуевского календаря» на предприятиях Торгового дома Зиминых было 1300 рабочих.

Финансовыми партнерами Подгорной мануфактуры был банкирский дом Рябушинских. В тайном досье на клиентов «с краткой характеристикой их финансового состояния», составленном 22 декабря 1907 года, имелась такая характеристика торгового дома «И.М.П.Я. и Ф. Зимины»: «Во главе дома стоят: Яков Куприянович, лет 65, человек уважаемый... изредка любит кутнуть по-купчески. Николай Макарович – очень скупой и аккуратный». Далее шла

оценка фабричного дела: «Ткацкая и красильно-отбельная фабрики близ Орехово-Зуево. Дело очень крупное. Торгуют исключительно с Сибирью и Закаспийским краем. Много кредитуются у Товарищества Викулы Морозова и Ярославской мануфактуры. В упрек можно сказать, что дело до сих пор не прогрессировало. В последнее время ставят 9000 прядельных веретен.» Модернизация фабрики в 1908-1909 годах стала заслугой инженер-механика Николая Макаровича Зимина. К несчастью, отдав все силы любимому делу, Николай Макарович вследствие переутомления скоропостижно скончался в 1909 году в возрасте 40 лет.

Проведенное им переоборудование предприятия повысило стоимость активов. В 1917 году, вскоре после Февральской буржуазной революции, торговый дом «И.М.П.Я. и Ф.Зимины» был преобразован в паевое товарищество, получившее по названию главной фабрики название «Товарищество на паях Подгорной Мануфактуры Зиминых». Председателем Правления товарищества стал крупнейший московский банкир Александр Николаевич Найденов, а директорами - Яков Киприанович Зимин, Иван Макарович Зимин и вдова Николая Макаровича – Вера Николаевна Зимина. К Товариществу Подгорной мануфактуры перешло имущество стоимостью 4.443.000 рублей.

Однако, владельцы «Товарищества Подгорной мануфактуры Зиминых» не смогли воспользоваться плодами модернизации семейного бизнеса, существовавшего более столетия – после Октябрьской революции 1917 года их фабрики были национализированы.

Промысловое свидетельство на склад хлопчатобумажного товара при фабрике Зиминых в Зуеве, выданный городским старостой Павловского Посада. 1901

ГУЧКОВЫ – ОДНА ИЗ СТАРИННЫХ МОСКОВСКИХ КУПЕЧЕСКИХ ДИНАСТИЙ

Родоначальник Гучковых Федор Алексеевич Гучков с семьей поступил в 3-ю гильдию московского купечества «из отпущенных на волю от надворной советницы Белавиной дворовых людей» в 1814. дети, внуки и правнуки Федора Гучкова стали крупнейшими владельцами текстильных (шелкоткацких и шерстоткацких) фабрик, старейшая из которых была основана в 1800 году. 13 августа 1835 года Федор Гучков с семейством был возведен в потомственное почетное гражданство – звание было дано за непрерывное 20-летнее пребывание во второй гильдии московского купечества.

После переезда в Москву из Малоярославецкого уезда Калужской губернии «родовое гнездо» Гучковых находилось в Лефортове на Генеральной улице (ныне улица Электров заводская). Рядом с территорией фабрики (Генеральная улица, дома №619/331, 332) стоял жилой дом Гучковых (Генеральная улица, дом № 459/335). По оценке недвижимых имуществ, проведенных Московской городской думой в 1875 году, этот дом, стоивший 11.934 рубля серебром, был самым дорогим жилым владением в Лефортове

«Именной список всем вообще лицам, кои производят в Москве торговлю и промыслы и имеют у себя фабрики и заводы ... за 1838 год», составленный Московским магистратом, дает следующие сведения о купце второй гильдии Федоре Алексеевиче Гучкове.

Ему принадлежало пять торгово-промышленных заведений, в том числе три фабричных предприятия и две лавки. Одна лавка находилась в Гостином Дворе и там

**Из «Дела о причислении
Федора Гучкова в московское
купечество»**

«1814 года февраля ... дня. В дом Московского градского общества отпущенный вечно на волю от надворной советницы вдовы Александры Кузьминой Белавиной дворовый человек Федор Алексеевич Гучков с детьми Ефимом и Иваном дал сию подписку вместо присяги по силе Городового положения б статьи, в том, что быть мне в московском по третьей гильдии купечеству по желанию моему и со оным купечеством всякие государственные подати платить и гражданские службы служить в равенстве, московскому же купечеству убытка никакого не доставить и ничего неблагопристойного и законам противного не чинить, а ежели с меня требуется по окладам купечества какое взыскание, а я к платежу того иногда не явлюсь не в состоянии, то те все платежи повинны за ме-

ня платить нижеподписавшиеся поручители, в чем и подписуемся:

Московский третьей гильдии купец Никита Андроников сын Гайдуков, жительство имею в Мясницкой части в доме надворного советника Дмитрия Александровича Лухманова, торг произвожу там же.

Московский третьей гильдии купец Красносельской слободы Василий Григорьев сын Котельников, жительство имею на Покровке в доме купца Почепина и торг произвожу в оном же доме.

Московский третьей гильдии купец Сыромятной слободы Филипп Яковлев сын Мон... [неразборчиво], жительство имею в Басманной части в доме московского купца Ивана Семенова Шелапутина, торг в Гостином дворе в палатке шелковым и бумажным товаром.

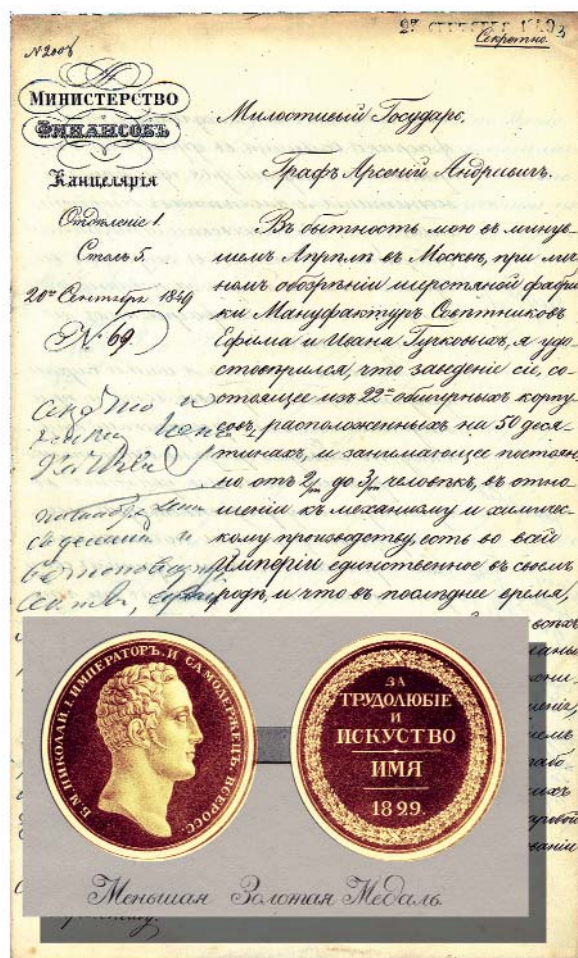
Московский третьей гильдии купец слободы Лужников Федор Панкратов Храмов, жительство имею в Рогожской части своим домом, торг произвожу в Хрустальному ряду в ... палатке шелковым товаром».

производилась торговля шелком. Помещение лавки было не свое, а арендовалось у купчихи Алексеевой. Лавкой распоряжался сын Ефим Гучков. Вторая лавка также арендовалась – у купца Павлова - и располагалась в Пятницкой части. В лавке шла торговля железом, распоряжался в лавке приказчик – московский купеческий сын Семен Тимофеевич Ликутин. Три фабричными предприятиями – все находились в Лефортове (или, как тогда говорили, в «Лафертовской части») Федор Алексеевич управлял самолично. Крупнейшей была «шалевая» фабрика, на кото-

рой трудились 320 рабочих. «Мыточное заведение» с 30 рабочими работало в помещении, арендованном у помещанина Бузина. «Миреносовое заведение», то есть шерстопрядильная

Письмо московскому генерал-губернатору графу Закревскому от чиновника Министерства финансов графа Ф.Еропкина с описанием фабрики Гучковых. 1849. Еропкин писал: «В бытность мою ... в Москве, при личном обозрении шерстяной фабрики мануфактур-советников Ефима и Ивана Гучковых, я удостоверился, что заведение сие, состоящее из 22 обширных корпусов, расположенных на 50 десятинах ... в отношении к механизму и химическому производству, есть во всей ИМПЕРИИ единственное в своем роде...»

На Первой выставке российских мануфактурных изделий 1829 года Ф.А. Гучков был награжден малой золотой медалью «за шалевые изделия и платки на манер Английских, хорошей доброты и в большом количестве выделяемые»

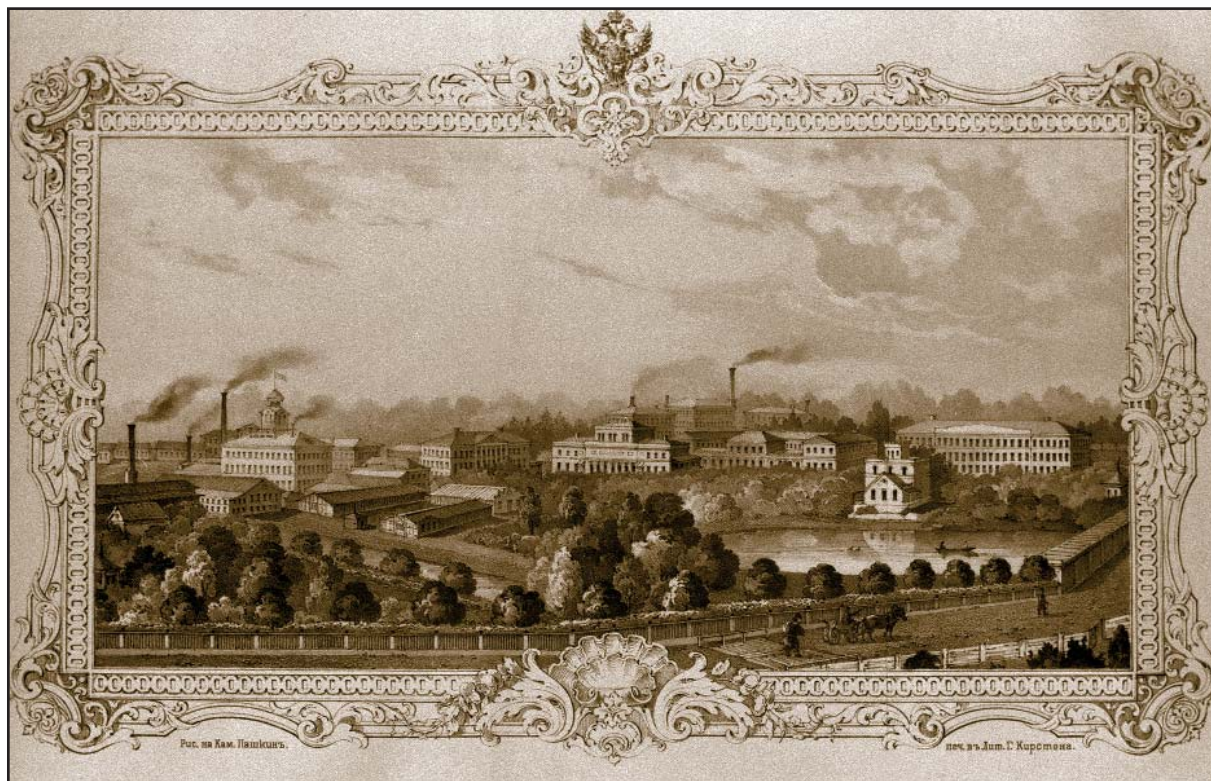

фабрика, перерабатывавшая шерсть высочайшего качества, полученную от овец мериносовой породы, размещалось также в съемном здании, там было 15 рабочих.

По меркам той эпохи, а это был начальный период индустриальной революции в России, Гучков считался одним из крупнейших фабрикантов в Москве. Изделия фабрики имели большой успех у потребителя. С 1839 года Гучковым было предоставлено за высочайшее качество продукции право «на вывесках и изделиях употреблять государственный герб».

Год от года производство росло и расширялось. По данным 1849 г. на фабрике Гучковых работало до 3500 человек – ткачей, чесальщиков, прядильщиков, красильщиков, кузнецов, токарей и слесарей. Кроме работников, трудившихся в фабричных

Фабрика Гучковых в Лефортове. 1850-е годы

помещениях, были задействованы также 1500 надомников, которым раздавались в размотку шерсть и шелк в окрестные селения Преображенское, Черкизово, Измайлово. Продукции – платков ковровых и кашемировых, шерстяных тканей и мебельной материи выработано в 1850 году на 548 тысяч рублей серебром. В 1855 году на территории предприятия Гучковых насчитывалось 97 строений, не считая навесов для хранения дров и прочих принадлежностей. Среди 97 строений - 24 были кирпичными, в том числе, 5 трехэтажных, 2 четырехэтажных и 3 двухэтажных фабричных корпуса. Строительство каменных корпусов свидетельствовало о надежности бизнеса Гучковых, их высоких прибылях. Ведь в это время Москва на две трети была деревянной.

Гучковы были просвещенными коммерсантами. В 1850 году при фабрике действовали больница на 15 кроватей и училище на 140 мальчиков. В последующие годы ими были созданы Богадельня для неизлечимых бедных женщин со школою для сирот и детей бедных родителей на Донской улице.

Описание фабрики Гучковых из «Указателя выставки русских мануфактурных изделий 1865 года»

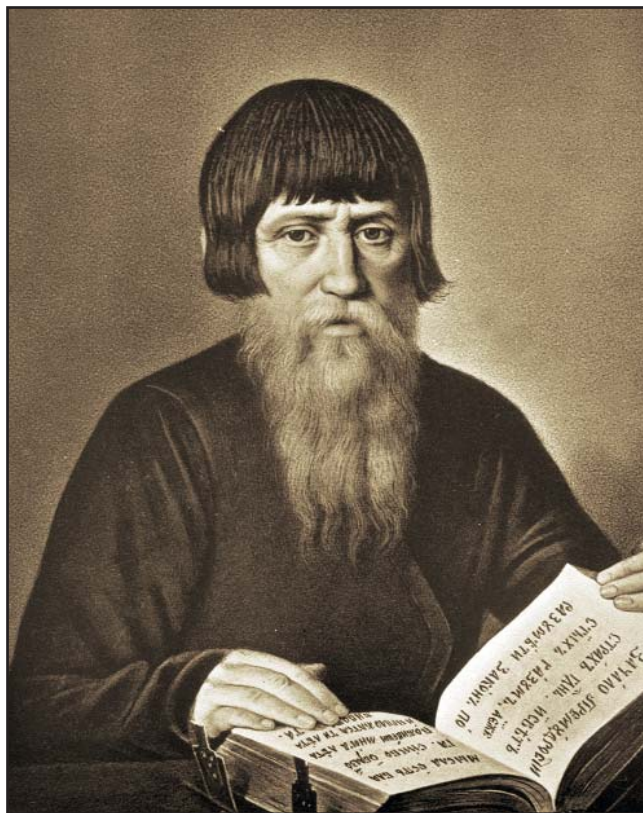
16. Гучковы, Иванъ, Николай и Теодоръ Ефимовичи, потомственные почетные граждане, торгующіе подъ фирмою «Ефима Гучкова сыновья».		за арш. р. к.
Дубль-вигонь шерстяная	1	75
Драпъ сатинъ	3	50
Драпъ 2 р. 85 к. и	3	35
Трико зимнее 1 р. 40 к. и	2	80
Трико лѣтнее 1 р. и	2	10
Кингъ-покъ	—	35
Вигонь набивная отъ 95 к. до	1	30
Кашемиръ аппаратный	—	85
Драдедамъ	1	35
Рипсъ	1	25
Твинъ трико	1	45
Твинъ	1	30

Суконная и шерстяная фабрика находится въ Москвѣ, Лефортовской части, 3 кв., въ соб. д., учреждена въ 1813 г., приготовляетъ чисто шерстяныя, гладкія и фасонныя матеріи, всего до 15 т. кусковъ и до 25000 платковъ тканыхъ шерстяныхъ, всего на сумму до 750 т. руб. сер. Сбытъ издѣлій производится въ Москвѣ и на ярмаркахъ. Рабочихъ на фабрикѣ до 800 чел. и кромѣ того до 300 челов. работаютъ внѣ фабрики въ Москвѣ и ея уѣздѣ. Фабрика приводится въ дѣйствіе гидравлическимъ колесомъ и паровую машину, равняющимся въ совокупности 80 силамъ; ткацкихъ становъ самолетныхъ съ жакардовыми до 500, котловъ красильныхъ 10.

**ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ ГУЧКОВ (1777-1856) – ИСТОВЫЙ СТАРООБРЯДЕЦ,
ПОСТРАДАВШИЙ ЗА «ДРЕВЛЕЕ ПРАВОСЛАВИЕ»**

До начала XX века правительственные законы всячески ограничивали старообрядчество - одно из сокровенных религиозных проявлений «русского духа». Это общественно-религиозное движение (называемое также древним православием или расколом) возникло в середине XVII века из-за несогласия на исправления книг и обрядов, сделанные патриархом Никоном и противопоставило себя официальному православию.

Постоянные преследования раскола не разрушили его, а наоборот, крепче спаяли, вырабатывая у старообрядцев от поколения к поколению такие качества, как настойчивость, колоссальную энергию, взаимную поддержку. Исследователи отмечали: «Их предприимчивость, практическая сметка, воспитанная в житейских бурях, тесная сплоченность и групповая поддержка скоро выдвигают старообрядцев в ряды московского купечества». Морозовы, Гучковы, Рахмановы, Шелапутины, Рябушинские, Кузнецовы, Горбуновы и многие московские купцы-богачи принадлежали к расколу. Так, в 1840-1850-е годы

*Ф. А. Гучков
со старообрядческой молитвенной
книгой в руках*

из 17 владельцев предприятий с числом рабочих более 100 чел. в Лефортовской части «12 были старообрядцами, о 3 нет никаких сведений, и только о 2 определенно известно, что они принадлежали к господствующей синодской церкви».

С конца XVIII века в Москве находились два общероссийских идейных и организационных очага старообрядчества - Преображенское кладбище (община беспоповцев или феоdosеевцев) и Рогожское кладбище (община поповцев). В течение первой половины XIX века Преображенское кладбище переживало расцвет и являлось значительным фактором общественной и духовной жизни. Подрыв его могущества начался с изданных императором Николаем I ограничительных законов для старообрядцев.

Вид Преображенского кладбища. Гравюра. 1850-е годы

Федор Алексеевич Гучков славился в Москве своей благотворительностью, которая не ограничивалась традиционной подачей милостыни. Однажды с ним произошел любопытный случай, когда он, чуть было, не пострадал из-за своей сострадательности. Летом 1847 года на Генеральной улице ему несколько раз попался нищий, отличавшийся от совсем опустившихся бродяг умными глазами и обходительным поведением. Расспросив его, Гучков узнал, что нищета настигла беднягу после пожара, не оставившего ни крыши над головой, ни документов. Тогда Гучков сказал ему: «Не по-божески тебе ходить с бродягами, зарабатывай на хлеб честным ремеслом», и дал попавшему в беду человеку (фамилия которого была Шемяников) 50 рублей «на приписку в мещанство». Сумма была огромной (для сравнения килограмм лучшей говядины стоил 10 коп., а куль муки весом 144 кг – 4 руб. 20 коп.), что привлекло внимание полиции. 28 октября 1847 г. против Федора Гучкова было возбуждено дело в Московской палате уголовного суда, причем был применен закон, принятый еще при Петре I в 1714 г., по которому подача милостыни запрещалась под угрозой штрафа. Когда Федор Гучков объяснил мотивы своего поступка, то тут же был освобожден от суда и следствия.

Часть указов, например, указ 1826 г. об уничтожении всех молелен, основанных за 10 и более лет до издания указа, феоdosеевцам удалось парализовать взятками. Но в этом же году последовал указ «О недозволении раскольникам строить вновь ничего похожего на церкви». В дальнейшем стеснения в гражданских правах для раскольников стали более изощренными. Закон 1853 года запретил утверждение старообрядцев в должностях по общественным выборам, награждение их знаками отличий и почетными титулами.

Жертвой этих стеснений пал истовый старообрядец Федор Алексеевич Гучков. Казалось бы – крупнейший фабрикант, уважаемый гражданин - однако, как гласит дело, сохранившееся в архиве канцелярии московского генерал-губернатора, в 1851 году Гучков был предан суду «за устройство в своем доме раскольниковой моленной».

Но это был только повод начать преследования. За принадлежность к расколу Федора Гучкова как одного из лидеров Преображенского старообрядческого кладбища подвергли «по Высочайшему повелению» высылке из Москвы на север России. Формулировка была такая: «за противозаконные действия по расколу». В ссылку Гучков отправился 27 января 1854 года. Три тяжелых года (1854-1856) Федор Алексеевич проживал в Петрозаводске Олонецкой губернии «под надзором полиции». Преследуемый за веру, Гучков морально страдал, что несправедливо осужден, но от своих религиозных убеждений не отрекся. В ссылке он тяжело болел, причем физические страдания усугублялись суровым климатом и плохими житейскими условиями. В Петрозаводске он и скончался 12 декабря 1856 года.

Сыновья Федора Алексеевича, мануфактур-советники Иван и Ефим Гучковы почти месяц хлопотали о перевозе тела отца в Москву для захоронения на Преображенском кладбище и получили официальное разрешение только 31 января 1857 года. Имея на руках предписание министра внутренних дел, они со скорбным грузом более трех недель ехали по зимним дорогам от Петрозаводска до Москвы. 26 февраля Федор Алексеевич Гучков был захоронен в некрополе Преображенского кладбища в Москве.

Часть недвижимого имущества, принадлежавшего Ф.А. Гучкову, находилось в пользовании общины Преображенского кладбища. После смерти отца сыновья Иван и Ефим отказались от наследования этой части имущества в пользу Преображенской старообрядческой общины.

В первой половине 1850-х годов значительная часть беспоповцев, не выдержав ущемления гражданского и сословного достоинства, перешла в поповщину и единоверие. Чтобы не потерять свой бизнес и защитить интересы семьи, это были вынуждены сделать и наученные горьким опытом сыновья Федора Алексеевича – Иван и Ефим Гучковы. В январе 1854 года Гучковы выразили желание принять единоверие одновременно прося «об облегчении участи» своего престарелого отца, отправленного в ссылку на север. В просьбе, обращенной к московскому генерал-губернатору графу А.А. Закревскому, шла речь о дозволении 76-летнему Федору Алексеевичу

«иметь при себе дорогою до Петрозаводска служителя». Сыновья очень беспокоились, чтобы отправленный в ссылку отец «по преклонным летам и слабому здоровью, оставшийся без обычного пособия, во время пути не умре».

Преследование старообрядцев было прекращено только через полвека - после принятия Манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 года, уравнившего старообрядцев в правах с остальными православными.

ВТОРОЕ И ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ ГУЧКОВЫХ

Представители династии Гучковых были видными общественными деятелями. Наивысшего признания из них добился Ефим Федорович Гучков (1805-1859), который был московским городским головой в 1858-1859 годах. За заслуги в предпринимательстве и общественной жизни Ефим Гучков имел 14 орденов и других знаков отличия, пожалованные ему за участия в выставках (в том числе, российских - 1829, 1833, 1835, 1851 годов, Парижской 1842 года, Лондонской 1851 года), за умелые действия во время холерной эпидемии в Москве в 1831 году.

Ефим Федорович рано овдовел. Его брак с Александрой, дочерью купца-старообрядца Малышева, продлился семь с половиной лет. В 33 года Ефим Гучков остался с четырьмя детьми на руках:

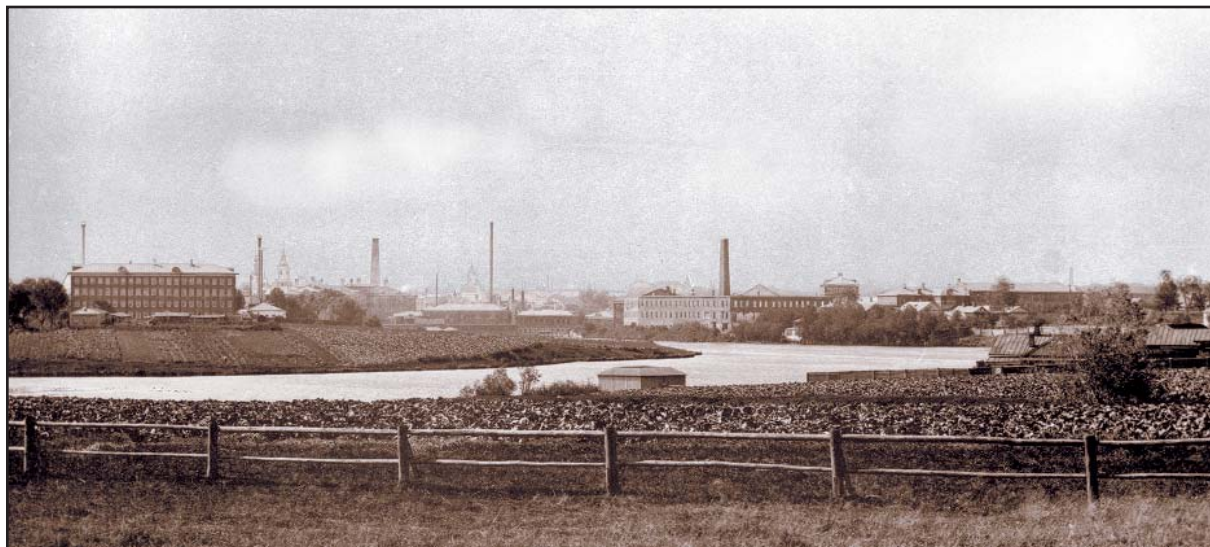
*Е. Ф. Гучков –
московский городской голова
в 1858-1859 годах*

сыновьями Иваном, Николаем и Федором, дочерью Анной (родами которой умерла жена Ефима Федоровича).

«Справочная книга о лицах, получивших купеческие свидетельства по г.Москве» на 1870 год сообщала, что 37-летний Иван Ефимович и 35-летний Николай Ефимович являются почетными гражданами и «происходят из старинного купечества». Иван Ефимович проживает в 3 квартале Мясницкой части в приходе церкви Святого Гавриила Архангела в Успенском переулке в доме Сусленникова, а Николай Ефимович в 3 квартале Лефортовской части, в приходе церкви Святых Петра и Павла, на Генеральной улице в собственном доме.

Важным источником прибыли для представителей старых купеческих династий, к которым принадлежали Гучковы, была сдача в аренду торговых помещений в Китай-городе (самом бойком и престижном торговом районе), где цена лавок, как и другой недвижимости, была максимальной в Москве: десятина земли со строениями стоила здесь в 1838 году 705.861 рублей серебром, тогда как в следующей по ценности недвижимости Тверской части (где были богатые дворянские особняки)

Вид на текстильные предприятия Лефортова со стороны Хатилковского пруда. 1887

*Дети Ефима Федоровича Гучкова:
Николай, Федор, Анна, Иван. Начало 1860-х годов*

в 4 раза меньше – 176.305 рублей серебром. Гучковы были крупными лавковладельцами. Им принадлежало в общей сложности 20 лавок, из которых 5 были записаны на супругу Федора Алексеевича – Александру Егоровну, и 15 на Ефима Федоровича. Лавки находились в Сафьянном и Коренном Рыбьем рядах Нижних Торговых рядов (одной стороной смотревших на Храм Василия Блаженного, а другой на Москва-реку – после сноса в 1960-х на месте рядов выстроено западное крыло гостиницы

Семья Ивана Ефимовича Гучкова.

*Слева и справа от отца сыновья Николай и Александр -
будущие политические деятели.*

Начало 1870-х годов

многолетним членом Московского комитета Совета торговли и мануфактур, депутатом Московской городской думы в течение 32 лет (1872-1904). Два его сына в начале XX века стали крупными российскими политическими деятелями – Николай Иванович Гучков был московским городским головой в 1905-1913 годах и Александр Иванович Гучков являлся председателем совета партии октябристов с 1906 года, военным и морским министром Временного правительства в 1917 году.

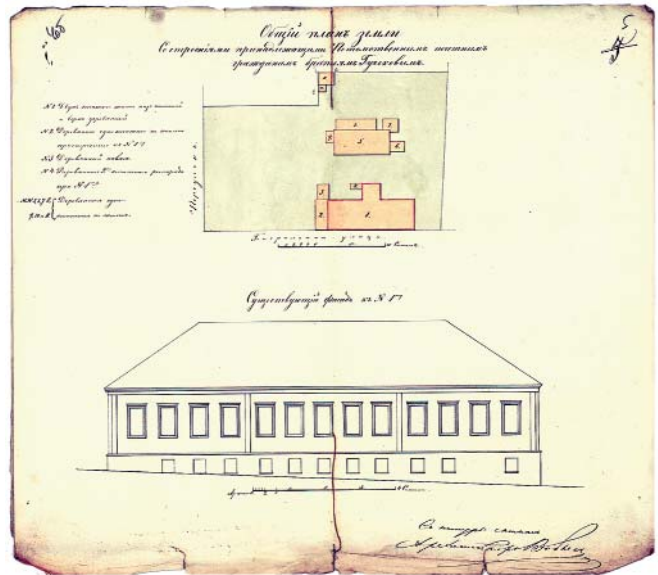
Младший сын Федор Ефимович (1837-1909) был депутатом Московской городской думы в 1877-1908 годах, крупным бизнесменом и видным благотворителем – попечителем нескольких московских больниц, в том числе, Больницы Бахрушиных и Детской больницы Святого Владимира. Средний сын Николай Ефимович Гучков (24.2.1835-21.11.1884) рано умер, прожив всего 49 лет. Могила Николая Ефимовича с характерным старообрядческим надгробьем в виде саркофага из черного мрамора сохранилась до наших дней и находится на Преображенском кладбище.

«Россия»). Стоимость каждой лавки могла колебаться от 3 до 10 тысяч рублей серебром, цена на аренду – 600-2000 рублей серебром в год. Это было очень выгодное вложение капиталов.

Старший сын Иван Ефимович (1833-1904), как и отец, получил звание мануфактур-советника за успехи на поприще отечественной промышленности, занимал множество престижных постов – был членом Учетного и ссудного комитета Московской конторы Государственного банка,

Николай Ефимович с семьей всю свою жизнь прожил в родовом доме на Генеральной улице. У него и его жены было трое детей: дочь Вера, сыновья Николай и Василий. Николай Ефимович заметно проявил себя на общественном поприще. Он был депутатом Московской городской думы созыва 1877-1880 годов и выборным московского купечества в 1876-1885 годах, видным благотворителем. С 1866 года и до своей смерти в 1884 году Н.Е. Гучков являлся казначеем Первого Серпуховского отделения

Дамского попечительства о бедных. Дамское попечительство о бедных было одной из старейших московских сетевых филантропических организаций, имевшей отделения во всех частях Москвы. Оно называлось Дамским, потому что было организовано в 1830-х годах благородными дамами-дворянками. Во второй половине XIX века дворянки привлекли в качестве спонсоров и распорядителей многих лиц из элиты московского купечества. За участие в благотворительности – «усердные труды и пожертвования» - Николай Ефимович был награжден «золотыми медалями для ношения на шее на Станиславской, Аннинской, Владимирской и Александровской лентах». После смерти отца Вера, Василий и Николай Гучковы жили в доме Гучковых на Генеральной улице вместе с матерью Серафимой Васильевной и дядей Федором Ефимовичем. Вера Николаевна покинула семейную усадьбу на Генеральной улице в декабре 1901 года, когда вышла замуж за представителя другой видной династии текстильных фабрикантов-старообрядцев – Николая Макаровича Зимина.

Дом Гучковых на Генеральной улице,
архитектурный план. 1850-е годы

*Адреса: Москва
улица Яузская, дом 5
Серебрянический переулок, дома 2 и 8*

АННА ИВАНОВНА ЗИМИНА И ЕЕ РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ У ЯУЗСКОГО МОСТА

Анна Ивановна Зимина (1849 – после 1917), вышедшая в 1865 году 16-летней девушкой замуж за Макара Ивановича Зимина (1844-1871), рано овдовела. Недолгое супружеское счастье ее продлилось всего пять лет. Анна Ивановна была москвичкой, происходила из известной купеческой семьи Ананьиных.

Церковь Троицы в Серебряническом переулке, рядом с которой стоит дом Ананьиных. Церковь и дом (сильно перестроенный) сохранились до наших дней

Уцелевшие до наших дней дома Ананьиных – матери и братьев Анны Ивановны Зиминой – находятся по адресу: Серебрянический переулок, дом 2 и дом 8, другим фасадом они выходят на Яузскую улицу (старые номера 418/377, 378; 415/374).

Здесь, в доме своей матери Настасьи Ананьиной, «близ Яузского моста», Анна Ивановна Зимина с сыновьями Николаем и Иваном Макаровичами жила в 1871-1892 годах, пока дети получали образование: среднее - в Коммерческом училище и высшее – в Императорском Высшем Техническом училище.

Первоначально Ананьины арендовали в 1870-е годы этот дом у купеческого семейства Романовых, владевшего домом более 50 лет. В начале 1880-х годов

Ананьины купили огромное владение, одним торцом выходящее на церковь Святой Троицы в Серебряниках, а другим торцом к реке Яузе.

Ананьины (иногда их фамилия также писалась Ананьевы) принадлежали к старомосковскому купечеству. Были известной старообрядческой семьей беспоповцев из общины Преображенского кладбища. Глава семьи Зиновий Васильевич Ананьин торговал рыбой, жил рядом с храмом Богоявления в Елохове. У Зиновия Васильевича, купца третьей гильдии, было два сына – Иван (1819-1859) и Петр (1822-1883) Зиновьевичи. Петр Зиновьевич был женат на дочери Семена Ивановича Гучкова Анне, а его старший брат Иван – на Настасье (фамильное прозвище которой пока выяснить не удалось).

Дела бизнеса у Ивана шли не очень благополучно, и в 1848 году 26-летний Иван был вынужден перевестись из московского купечества - в купечество города Бронницы (оставаясь проживать в Москве). Здесь его с ра-

Яузская улица в начале XX века. Дома, унаследованные детьми Настасьи Ананьиной, были перестроены: первый этаж арендовался под магазины, во втором этаже размещались жилые квартиры, сдававшиеся внаем. В это время собственницей огромного домовладения была Анна Ивановна Зимина

Яузская улица. 1882. Колокольня церкви Троицы в Серебряниках. Рядом с ней, на переднем плане, дома Настасьи Ананьиной.

Неизвестный художник. Портрет купчихи. 1840-е годы. На портрете - зажиточная замужняя женщина купеческого сословия, одетая по моде того времени. Так могла выглядеть Настасья Ананьиной, изображение которой не сохранилось до наших дней

видимо получившая от родителей хорошее приданое, пыталась вести самостоятельный бизнес в Москве. В 1851 году 23-летняя Настасья купила красивую фабрику в Серпуховской части, на Дербеневской улице. Разрешение на фабричное производство ей удалось получить не сразу. В доме, купленном Настасьей у купчихи Александровой, ранее арендовалось помещение купцом Капусткиным, и чтобы завести новое предприятие, надо было собрать множество документов, в частности о том, что

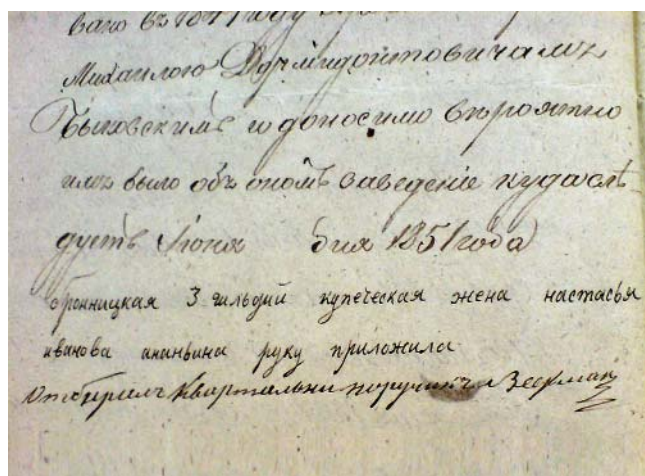
достью приняли, потому что в Бронницах было много последователей раскола по Преображенскому кладбищу. Не исключено, что из Бронниц родом была мать Ивана Зиновьевича, и это тоже сыграло свою роль. Через пару лет Иван Ананьин вновь записался во вторую гильдию московского купечества, но, пробыв здесь три года, был вынужден вновь перевестись в Бронницы. Но там дела пошли совсем плохо, и Ивану в конце концов пришлось перейти в мещане. Однако, 22 мая 1858 года Иван Зиновьевич вновь сделал попытку подняться по социальной лестнице и поступил во вторую гильдию московского купечества. Но здоровье было подорвано десятилетием неудач в бизнесе, и через год Ананьин скоропостижно скончался в возрасте 40 лет.

В это время его жена Настасья (Анастасия) Ивановна (1828-1886),

ни прежняя владелица дома Александрова, ни арендатор фабрики Капусткин не возражают против устройства фабрики в купленном Ананьиной доме. В документах Настасья также указывала, что управляющим фабрикой будет ее муж Иван Зиновьевич Ананьин, а владелицей предприятия – она сама. Получая, по разным причинам, отказ за отказом из канцелярии московского генерал-губернатора, Настасья проявляла редкостную напористость и подавала в течение пяти лет апелляцию за апелляцией. В конце концов, она добилась своего, и в 1856 году разрешение на открытие красильной фабрики было получено после пяти лет упорной борьбы. Но если фабрику Настасье и удалось завести, то она просуществовала недолго, видимо, всего один-два года.

Настасья Ананьиная овдовела в возрасте 30 лет, оставшись с четырьмя детьми на руках. Сыновьям Владимиру и Григорию в год смерти отца было соответственно 4 и 3 года, дочерям Анне и Клавдии – 9 и 6 лет. После смерти Ивана в 1859 году, Настасья Ивановна с 1860 года самостоятельно вступила во вторую гильдию московского купечества. Она оставила мечты о текстильной фабрике и стала вести торговлю лесным товаром на Смоленской железной дороге (возможно, это дело досталось ей от отца, московского купца).

Анастасия Ивановна обладала железным характером. Она не только поправила материальное состояние семьи, ведя собственный бизнес, но и передала деловую хватку сыновьям. Они, спустя двадцать лет после смерти отца, купили почти целый квартал в Серебряниках, где стоял родительский дом, а затем переселились в центр города, на Арбат, перекупив у представителей «оскудевающего дворянства» пару

Автограф Настасьи Ананьиной под прошением на имя московского военного генерал-губернатора об открытии красильной фабрики в Москве. 1851

Фасад здания Московского Императорского коммерческого училища на Остоженке. Здесь учились в 1880-1885 годах внуки Настасьи Ананьиной – Иван и Николай Макаровичи Зимин

Актальный зал Московского Императорского коммерческого училища на Остоженке

особняков на Малой Никитской (дома 16 и 24).

Дочерей Анастасия Ивановна удачно выдала замуж за представителей старообрядческой купеческой элиты. Старшая дочь Анна стала женой Макара Ивановича Зимина – представителя зуевской династии Зиминых.

Дочь Анастасии Ивановны – Анна – повторила трагическую судьбу матери: рано овдовела и сама «поднимала» детей. Анна Ивановна была состоятельной женщиной – с прибылей Крестовоздвиженской мануфактуры она получала ежегодные доходы на свое имя и отдельно на содержание сыновей (в документах они именовались «наследники»). Эти деньги и свои силы Анна Ивановна тратила, стремясь детям дать хорошее образование.

В 1885 году ее дети-погодки 18-летний Иван Макарович и 17-летний Николай Макарович окончили с отличием Московское коммерческое училище – одно из старейших и престижнейших средних профессиональных учебных заведений.

В дальнейшем Иван Макарович стал членом торгового дома «И. М. П. Я. и Ф. Зимины» - заведующим торговой частью. Во время Ирбитской ярмарки он был членом Ирбитского биржевого комитета и членом учетно-ссудного комитета временного отделения Государственного банка в Ирбите.

Николай Макарович после окончания Коммерческого училища (только с отличными отметками) продолжил учебу в Императорском Московском техническом училище (том самом, которое после 1917 года стало знаменитым Бауманским). Получив в 1892 году звание инженера-механика «при отличных успехах и поведении с знаком отличия», он стал членом семейного торгового дома «И. М. П. Я. и Ф. Зимины» - но в отличие от брата, получившего заведование торговой частью, стал заведовать производственной частью семейного бизнеса. В качестве заведующего фабрикой в Богородском уезде, Николай Макарович много сделал для обновления технического оборудования предприятия.

Дом «у Яузского моста» принадлежал Ананьиным почти 40 лет, а если прибавить те 30 лет, когда Ананьины проживали здесь, арендуя квартиры, то общий стаж проживания в доме составил 50 лет. Анна Ивановна Зиминая же прожила на Яузской улице почти всю свою взрослую жизнь, за вычетом пяти счастливых лет краткого замужества.

Дом Отделения Государственного банка в Ирбите. Членом учетно-ссудного комитета здесь был избран Иван Макарович Зимин как представитель фирмы, заключавшей на Ирбитской ярмарке крупные сделки по продаже продукции Подгорной мануфактуры в Сибирь, Хиву, Бухару и Персию. О важности ирбитской торговли в семейном бизнесе говорил тот факт, что Зимины купили большой дом в Ирбите для представительства своей фирмы

*Адреса: Москва
улица Большая Никитская, дом 43а
улица Спиридоновка, дом 17*

ЗИНАИДА МОРОЗОВА, УРОЖДЕННАЯ ЗИМИНА, И ДВА ЕЕ АРБАТСКИХ ОСОБНЯКА

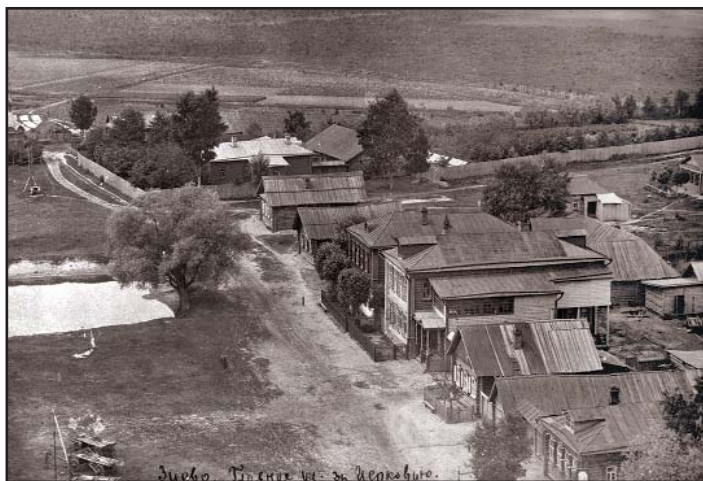
В последней четверти XIX века московские купцы набрали силу. Представители молодого поколения получали прекрасное образование, имели широкий культурный горизонт, ежегодно посещали Европу и были в курсе тамошних веяний в стиле жизни. В прошлое уходили типы Островского, его «темное царство», пропитанное, по словам одного из публицистов, «самодурством, невежеством, дикостью и подловатостью». За 20-30 лет произошла культурная трансформация предпринимателей. Блестящий знаток купеческой жизни «первопрестольной» (при этом, дворянин по происхождению) П.Д. Боборыкин написал в 1880-х годах об этом так: «До шестидесятых годов нашего века читающая, мыслящая и художественно-творящая Москва была исключительно господская, барская... В последние двадцать лет, с начала шестидесятых годов, бытовой мир Замоскворечья и Рогожской тронулся: детей стали учить; молодые купцы попадали не только в коммерческую академию,

Дом Морозовых на Спиридоновке. Вид со стороны улицы. Фото 1902 года

Зиминъ, Ефимъ Степановичъ,
75 л., павловскаго посада 2-й
г. купецъ, въ москов. куп.
сост. съ 1866 г. Жит. Город.
ч. 2 кв., на Никольской ул.,
въ д. гр. Шереметева. Торг.
мануфактурнымъ тов., Город.
ч., въ зеркальномъ ряду. На
городской службѣ не состоялъ.

Сведения о Ефиме Степановиче Зимине из «Справочной книги о лицах, получивших купеческие свидетельства по городу Москве на 1869 год»

Село Зуево. Главная улица за церковью. Конец XIX века

но и в университет, дочери заговорили по-английски и заиграли ноктюрны Шопена. Тяжелые, тупые самодуры переродились в дельцов, осознававших свою материальную силу уже на другой манер».

Боборыкину вторил публицист и издатель влиятельной петербургской газеты «Новое время» А.С. Суворин, в нашумевшей статье под красноречивым названием «Купец идет» написавший «Всё, что есть в Москве выдающегося, - в руках купца, или под его ногами. У него лучшие дома и выезды, лучшие картины, любовницы и библиотеки».

Одним из фактов, свидетельствовавших о культурной трансформации богатейших представителей купечества было их перемещение из старообрядческих кварталов Рогожской и Лефортова в старые дворянские районы центра столицы, и, прежде всего на Арбат, который называли Сен-Жерменским предместьем Москвы (сравнивая его с престижным парижским округом, где селились аристократы).

Не избежала переселения на Арбат и московская миллионерша Зинаида Зимина (1867-1947) – супруга легендарного Саввы Морозова. В ее судьбе огромную роль сыграли два принадлежавших ей особняка: один на Большой Никитской улице

Портрет Зинаиды Григорьевны Морозовой в первый год замужества. Фото сделано в Париже во время свадебного путешествия с Саввой Морозовым. 1888

(дом 43а) и другой – на Спиридоновке (дом 17). В каждом из этих домов Зинаида Григорьевна прожила по десять лет.

Зинаида (или в старообрядческом варианте Зиновия) Морозова была урожденная Зимина. Ее дед – Ефим Степанович Зимин (1794-около 1875) состоял купцом 2 гильдии Павловского посада. Местом постоянной приписки Е.С. Зимина была деревня Зуево. С 1860-х годов Ефим Зимин торговал мануфактурным товаром в Москве, в Китай-городе, в Зеркальном ряду, был записан во 2 гильдию московского купечества как иногородний предприниматель. Ефим был племянником Ивана Семеновича и Никиты Семеновича Зиминых. Сын Ефима – Григорий Ефимович

– после смерти отца торговал продукцией семейной красильно-ткацкой фабрики на Кокоревском подворье в Москве.

Внучка Ефима Степановича – Зинаида – стала столичной гранд-дамой. Предприниматель Павел Бурыйшкин в мемуарах «Москва купеческая» назвал ее «русским самородком», князь Щербатов считал ее женщиной «большого ума». Зинаида рано вышла замуж, в 17 лет, став женой Сергей Викуловича Морозова (1860-1921). Брак этот был по сватовству, и яркой влюбленности у Зинаиды не было. А уже через два года она стала женой другого. В 1886 году начался один из самых скандальных романов

в старообрядческой среде. Он возник между Зинаидой Морозовой и потомственным почетным гражданином, действительным студентом Московского Императорского университета Саввой Тимофеевичем Морозовым (1862-1905), дяде мужа Зинаиды Сергея. Взаимное тяготение завязалось быстро, и вскоре Савва стал настаивать на разводе. В старости Зинаида Григорьевна писала в мемуарах: «Когда началась моя любовь к Савве Тимофеевичу, мы с Сер[геем] Вик[уловичем] были в Крыму. Мне было 18 лет, и я, не будучи плаксивой, целые дни плакала и не знала: решаться ли мне на развод». Знакомые и друзья сочувствовали непростой ситуации в семье молодоженов. Близко знавший Морозовых знаменитый врач А.А. Остроумов, уезжая из Алупки в Москву и проезжая мимо дачи Морозовых, остановил свою коляску, запряженную четверней, зашел к Зинаиде и вручил ей букет дивных роз со словами: «Все ревешь... На цветы...».

26 января 1887 года Зинаида Григорьевна развелась с Сергеем Морозовым. Весной 1888 года 26-летний Савва и 20-летняя Зинаида стали встречаться открыто и 24 июня заключили официальный брак. За пять недель до бракосочетания они купили на имя Зинаиды Григорьевны усадьбу на углу Большой Никитской улицы (дом 43а) и Скатертного переуллка. Главный двухэтажный дом был поставлен в глубине участка и обращен фасадом на улицу. Два флигеля по бокам обрамляли красивый двор. Первый этаж старинного дома был каменным с мощными

*Дом Морозовых на Спиридоновке. Вид внутреннего дворика.
Фото 1902 г.*

сводами, жилые комнаты второго деревянного этажа отделаны цветным деревом и лепниной.

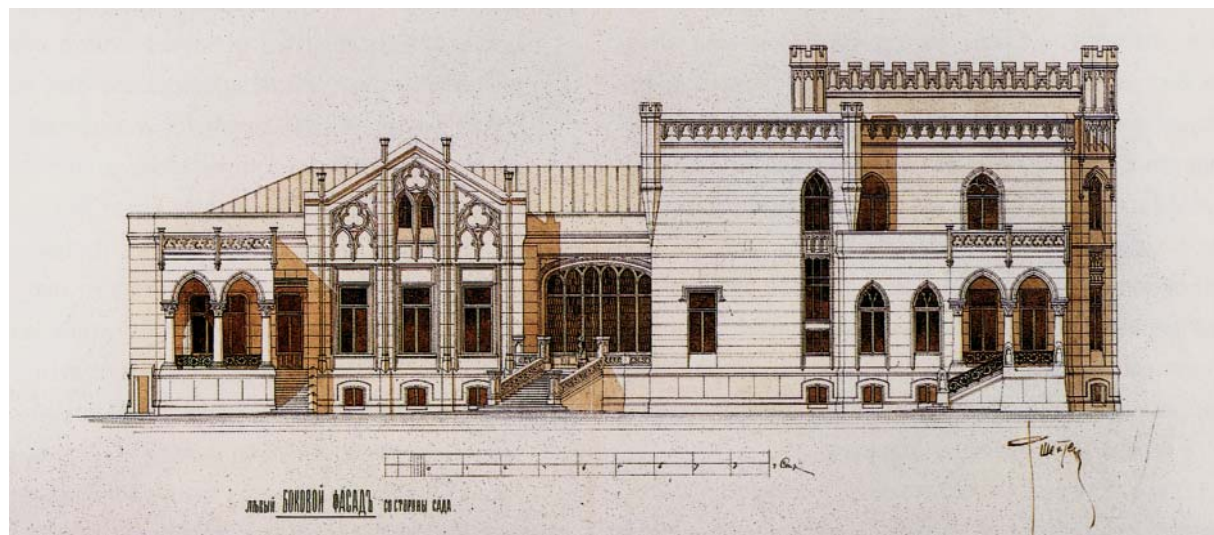
Соседом молодоженов по Большой Никитской стал профессор, директор госпитальной терапевтической клиники Московского университета Алексей Александрович Остроумов. Возможно, соседство с Остроумовым сыграло роль при выборе молодыми супругами первого семейного владения.

Морозовы прожили на Большой Никитской десять лет. Это были самые счастливые и благополучные годы их жизни. Здесь родился их первенец Тимофей, прошло младенчество дочерей Марии и Елены. На рубеже 1880-х – 1890-х годов сложилась карьера Саввы, стремительно ворвавшегося в 25-летнем возрасте в когорту крупнейших российских промышленников. Он успешно вел дела как один из четырех директоров «Товарищества Никольской мануфактуры», пользовался большим доверием министра финансов С.Ю. Витте, получил звание мануфактур-советника.

С Большой Никитской отправились супруги на знаменитую Всероссийскую промышленную и художественную выставку 1896 года в Нижнем Новгороде.

Фасад «готического замка» на Спиридоновке со стороны сада.

Эскиз Ф. Шехтеля. 1893

В это время Савва Тимофеевич Морозов был председателем Нижегородского ярмарочного комитета.

На Большой Никитской супруги обсуждали проекты своего будущего дома на соседней улице Спиридоновке. Сюда к ним приходили с чертежами и эскизами архитектор Франц Шехтель, художник Михаил Врубель, мебельщик Шмит и другие создатели роскошного особняка, красота которого должна была поразить воображение москвичей. (Переселившись на Спиридоновку, Морозовы в 1898 году продали владение на Большой Никитской известному фабриканту-текстильщику из Иваново-Вознесенска В.А. Балину. Новый владелец снес старый дом, один из флигелей и выстроил на их месте, проекту М.Г. Зеленина, новый особняк в стиле ренессанса. До наших дней от Морозовского владения уцелел лишь каменный двухэтажный левый флигель – свидетель счастья и полноты жизни одной из ярких, самобытных представительниц рода Зиминых.)

Усадьбу на Спиридоновке мануфактур-советник Савва Тимофеевич Морозов также купил на имя жены Зинаиды Григорьевны. По купчей 1893 года к Морозовым перешло владение Николая Тимофеевича Аксакова – брата писателя Сергея Тимофеевича Аксакова. На участке стоял обветшавший деревянный дом в стиле «ампир», выстроенный еще в 1814 году известным архитектором А.Л. Витбергом для тогдашнего владельца - государственного деятеля и поэта И.И. Дмитриева.

Старый дом был снесен и на его месте, с сильным отступом от красной линии решили поставить новый особняк, связав его подземным переходом с хозяйственным

*Архитектор
Федор Осипович Шехтель (1859-1926),
автор проекта дома на Спиридоновке*

флигелем, где были размещены все подсобные службы - электростанция, ледник, погреба, прачечная, гладильная, конюшни, коровник. Всё было сделано по новейшим европейским стандартам.

Проект усадьбы был заказан молодому архитектору Францу (Федору) Осиповичу Шехтелю, который за год до этого построил Морозовым деревянную дачу в Киржаче. К июлю 1893 года архитектор представил заказчикам три варианта проекта главного дома – в стилях французского ренессанса и рококо, и в стиле английской неоготики. Предпочтение было отдано последнему варианту и не случайно: к 1890-м годам связь торгово-промышленного дома Морозовых с ткацкой индустрией Манчестера насчитывала несколько десятилетий. Савва Морозов учился в Кембридже, бывал в Манчестере, видел неоготические дворцы тамошних текстильных магнатов. Его смело можно причислить к кругу московских англоманов: с детства он знал английский язык, которому учился от гувернера-англичанина, позже, побывав

Каминный зал в доме З. Г. Морозовой на Стиридоновке

в Англии в 1887 году, где перенимал новые технологии крашения тканей, вернулся в Москву и увлекся чтением романов Вальтера Скотта в оригинале.

Вдохновляясь неоготикой, Шехтель создал для Зинаиды и Саввы Морозовых тип дома, определивший целый этап в истории русского буржуазного жилища. Главный вход в дом отмечен выступающим крыльцом с тремя широкими арками-порталами. Сумрачный вестибюль ведет в напоенный светом аванзал. Справа к нему примыкает одноэтажная часть с залом и двумя гостиными. Слева – двухэтажная часть с открытой широкой парадной лестницей. На первом этаже – столовая, спальня будуар Зинаиды Григорьевны, детские. На втором этаже – кабинет Саввы Тимофеевича, бильярдная, гимнастический зал, комнаты гувернеров.

В изысканной отделке преобладают мотивы готики, но есть залы в стиле ренессанса, рококо, ампира. Элитарные интерьеры напоминают театральную декорацию. Вестибюль, аванзал, лестницу украшает резьба из дуба (придающая дому изнутри

Бильярдная в доме З.Г.Морозовой на Спиридоновке

Савва Морозов с матерью Марией Федоровной и детьми: Еленой, Тимофеем и Марией. Судьба детей Зинаиды и Саввы Морозовых сложилась непросто. Тимофей (1888-1921) окончил математический факультет, скончался в Москве в годы Гражданской войны. Мария (1890-1934) была балериной-любительницей, после 1917 года работала в Наркомпросе, в конце жизни заболела психически. Елена (1894-после 1947) в 1917 году эмигрировала, по слухам жила в Бразилии.

сходство с драгоценной шкатулкой). Ее изготовили на знаменитой фабрике художественной мебели поставщика Двора Его Императорского Величества Павла Шмита.

Строили и отделывали дом более четырех с половиной лет. Над убранством интерьеров дома стал работать великий русский художник Михаил Александрович Врубель. Торцевую стену лестничной клетки украсил, исполненный по его эскизу,

Из мемуаров Зинаиды Морозовой о новоселье в доме на Спиридоновке

«Когда мы выстроили наш дом на Спиридоновке, то мы решили сделать новоселье, бал-концерт, и мне очень хотелось пригласить Шаляпина, который пел в опере Саввы Ив[ановича] Мамонтова. Я просила С[авву] Ив[ановича] познакомиться меня с Шаляпиным, и что я хочу его пригласить ко мне.

С[авва] Ив[анович] мне сказал: «Прекрасно, приезжай в оперу, он сегодня поет «Игоря»¹⁰³, и я его Вам представлю». Я поехала в оперу, и в антракте С[авва] Ив[анович] меня позвал за кулисы, куда пришел Шаляпин в белой рубашке русского костюма, в котором он играл «Игоря».

И когда меня С[авва] Ив[анович] с ним познакомил, то я ему сказала: «Фед[ор] Ив[анович], я Вас очень прошу придти к нам на новоселье, и, может быть, Вы что-нибудь споете!»

Фед[ор] Ив[анович] очень сконфузился и сказал: «Ведь у Вас вся Москва! Смогу ли я хорошо спеть?» На это я ответила: «Споете Вы чудесно!» О цене я с ним не говорила и решила ему подарить золотой портсигар с бриллиантовым вензелем.

Когда он к нам приехал, то спросил меня: «Я хочу спеть «Сапоги» («Ай, Матрена, ай, Матрена, ты подари мне сапоги...»), это ничего?» Я сказала: «Все, что Вы споете, будет прекрасно».

витраж «Встреча рыцаря-победителя». У основания дубовой лестницы им создана скульптурная группа по мотивам оперы Мейербера «Роберт-Дьявол». Врубель написал для Малой гостиной аллегорические панно «Утро», «Полдень» и «Вечер».

В дом этот, стоимость которого составляла более 600 тысяч рублей, стремились попасть московские снобы. Сын московского городского головы - молодой князь Сергей Щербатов писал: «У моего отца до старости сохранилось почти юношеское любопытство к новым, интересным явлениям жизни... Таким интересным явлением был вновь выстроенный дворец огромных размеров и необычайно роскошный в англо-готическом стиле на Спиридоновке богатейшего и умнейшего из купцов Саввы Тимофеевича Морозова... Я с отцом поехал на торжественное открытие этого нового московского «чуда»... На этот вечер собралось всё именитое купечество. Хозяйка, Зинаида Григорьевна Морозова, вся увешанная дивными

жемчугами, принимала гостей с поистине королевским величием. Тут я увидел и услышал впервые молодого и еще довольно застенчивого Шаляпина - тогда еще только восходившее светило, и Врубеля, исполнившего в готическом холле отличную скульптуру из темного дуба и большое витраж». Так Щербатов вспоминал новоселье, состоявшееся 8 февраля 1897 года.

А вот характеристика Саввы Морозова, данная Щербатовым: «На почве интереса к искусству я с Саввой Морозовым довольно близко познакомился. Грубый по внешности, приземистый, коренастый, с блеском ума и богатством замечательных возможностей, он наизусть цитировал целые страницы поэтов, обожал театр, щедрой рукой сыпал деньги на устройство нового здания Художественного театра».

Гармония недолго царила в изысканных комнатах особняка. В 1898 году в труппу Художественного театра перешла Мария Федоровна Андреева. Слепое увлечение Саввы Тимофеевича красавицей-актрисой, беспрекословное удовлетворение им ее политических амбиций, положили конец семейному счастью Морозовых.

*Особняк З.Г.Морозовой на Спиридоновке.
Готический витраж. Эскиз Ф. Шехтеля. 1893 год*

Зинаида Григорьевна тяжело переживала разлад с мужем. Новая любовь разрушила все - семью, деловую карьеру, душевное здоровье Морозова.

После гибели Саввы в Каннах в мае 1905 года (он был найден с пулевым ранением в гостиничном номере, и среди историков до сих пор идут споры - было ли это самоубийством или убийством), Зинаида Григорьевна прожила в доме на Спиридоновке до 1909 года. А затем,

без сожаления, продала его предпринимателю и банкиру Михаилу Рябушинскому. В 1929 году владение было передано Наркомату Иностранных дел. Сейчас в нем находится Дом приемов Министерства иностранных дел России.

Судьба же Зинаиды Григорьевны претерпела немало неожиданных поворотов. Через два года после смерти Саввы она в третий раз вышла замуж – за генерал-майора Свиты Его Величества, градоначальника (то есть руководителя полиции) Москвы в 1905–1907 годах Анатолия Рейнбота. После революции 1917 года Зинаида потеряла всё имущество, ей пришлось после покинуть усадьбу «Горки», национализированную в 1918 году (в этой усадьбе, оборудованной по последнему слову техники, после ранения поселился глава советского государства В.И. Ленин). Уезжать в эмиграцию Зинаида Григорьевна не захотела. До 1924 года она жила в Москве, потом переселилась в Ильинское. Морозова бедствовала, жила на деньги, вырученные от продажи личных вещей и украшений. В 1930 году по ходатайству Художественного театра ей была назначена маленькая пенсия. Умерла Зинаида Григорьевна в 1947 году, прах ее покойся на Рогожском старообрядческом кладбище.

*Зинаида Григорьевна
и ее муж в третьем браке
Анатолий Анатольевич Рейнбот*